

№ 1-24, и юль № 9.

Годъ изданія девятый.

ОКТАБРЬ.

№ 24.

1916.

XVI $\frac{45}{10}$

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

ХМУРАЯ НОЧЬ (стих.),
ЗА ТАИНСТВЕННОЙ ДВЕРЬЮ
(повѣсть).
СКОРО И ЗИМА! (стих.),
РАЗНЫМИ ДОРОГАМИ (повѣсть),
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

«Братъ и сестра» — книга.
Какъ ѣздили встарину — для склеиванія.

1850

THE STATE

(1850) H. P. ...

...

(1850) H. P. ...

...

...

...

...

...

№ 24. Октябрь, 1916. Годъ изданія IX-й. Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

— ≡ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ ≡ —
„З О Л О Т О Е Д Ъ Т С Т В О“

— ≡ Подписной годъ съ 1-го Ноября. ≡ —
ПРИ КАЖДОМЪ НОМЕРѢ — ПРИЛОЖЕНІЯ.

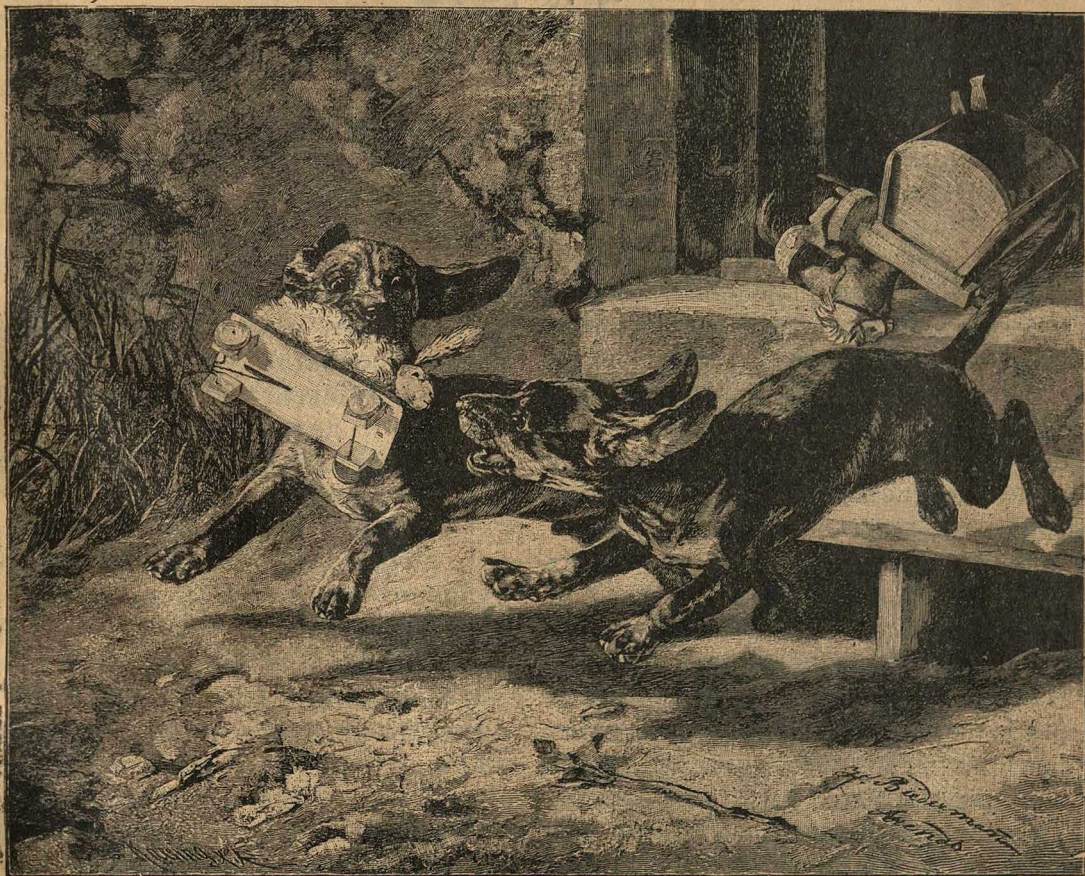
5 р. 80 к.

цѣна съ доставкой и пересылкой:

На годъ — 5 руб. 80 коп. * На полгода — 2 руб. 90 коп.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Каменноостровский пр., 26.

5 р. 80 к.

Стащили.

комъ и, всѣ пятеро, они принялись за поиски. Экипажъ уже былъ посланъ за дѣдушкой на станцію и съ минуты на минуту онъ могъ пріѣхать. Это еще больше страшило няню. Что, если дѣти не найдутся до его пріѣзда, что она тогда ему скажетъ? Однимъ словомъ, это былъ очень тяжелый вечеръ для няни и Анны Андревны. Онѣ просто сбились съ ногъ и не знали, что дѣлать, гдѣ насъ отыскивать. Больше-же всего ихъ волновало то, что дѣдушка могъ заподозрить ихъ въ недобросовѣстномъ служеніи и легкомысліи.

— Хоть-бы умереть сейчасъ! говорила няня. — Не дай, Господи, дожить до такого сраму, чтобы не смѣть посмотрѣть въ глаза своему господину!

Наконецъ въ девять часовъ вечера пріѣхалъ нашъ дѣдушка. Анна Андревна встрѣтила его на крыльцѣ, ни жива, ни мертва. Колѣнки у нея дрожали.

— Здравствуйте, Анна Андреевна! весело привѣтствовалъ ее дѣдушка. — Но что это съ вами? Вы какъ-то странно смотрите на меня! Здоровы-ли вы?

Она что-то несвязное залепетала ему въ отвѣтъ.

— Въ чемъ дѣло? удивился дѣдушка. — Здоровы-ли дѣти?

— Ахъ, ваше превосходительство, всплеснула она руками и разрыдалась. — Ихъ нѣтъ! Вѣдь мы сбились съ ногъ, разыскивая ихъ вездѣ! Они куда-то пропали!

Дѣдушка вздрогнулъ.

— Что вы говорите! испугался онъ. — Навѣрное, они куда-нибудь спрятались и дурачатъ васъ!

— Нѣтъ, сударь, вздохнула она. — Уже девять часовъ, а ихъ

нѣтъ съ пяти... Пора уже спать, а они не ѣли еще ничего... Этого не бывало еще никогда. Ужъ мы кликали-кликали ихъ, такъ они, бѣдняжки, вовсе и не отозвались!

Дѣдушка не отвѣтилъ ничего. Этотъ пріемъ его просто огорчилъ. Онъ даже не захотѣлъ войти въ домъ, пока каждый кустъ, каждый уголокъ въ паркѣ не былъ обысканъ лично при немъ. Обыскавъ паркъ, стали обшаривать домъ. Но и здѣсь не оказалось никого. Тогда дѣдушка и самъ испугался не на шутку и сталъ намъ во все горло кричать. Но не помогло и это. Няня и Анна Андреевна говорили потомъ, что въ одинъ часъ онъ постарѣлъ такъ, точно прожилъ сразу нѣсколько лѣтъ. Искерпавъ всѣ способы найти насъ, онъ вошелъ въ столовую, закрылъ руками лицо и опустил голову на столъ. Около него такъ и остался нетронутымъ приготовленный для него ужинъ, надъ которымъ такъ изощрились Анна Андреевна и кухарка. Дѣдушка любилъ покушать.

— Было тяжело смотрѣть на этого могучаго генерала, рассказывали намъ потомъ няня и экономка, — когда онъ сидѣлъ такъ и рыдалъ на всю столовую.

— Я потерялъ все, что имѣлъ, всхлипывалъ онъ. Мой горячо любимый единственный сынъ умеръ въ полномъ расцвѣтѣ лѣтъ. Моя дочь обманула меня и вышла замужъ за поповича. Теперь остались эти дѣтки, которыхъ я безумно любилъ и для которыхъ жилъ — и вотъ теперь нѣтъ и ихъ! Гдѣ они? Что съ ними случилось? Живы-ли они?

Затѣмъ онъ поднялъ голову и обратился къ ключницѣ.

— Анна Андреевна, сказала онъ, — я боюсь объ этомъ даже и подумать, но это можетъ легко случиться. Не упали-ли они въ прудъ и не утонули-ли? Вѣдь вы знаете, какъ онъ глубокъ и какіе скользкіе на немъ берега? Я точно предчувствовалъ это, когда шелъ съ ними какъ-то гулять и проходилъ мимо него. Я тогда-же взялъ съ нихъ обѣщаніе, что они не будутъ къ нему подходить, — но развѣ можно положиться на обѣщаніе дѣтей? Позовите-ка скорѣе кучера, садовника, прикажите имъ собратъ какъ можно больше народу и пусть они, захватявъ съ собою неводъ и крючья и обшарявъ этотъ проклятый прудъ! Быть можетъ, они найдутъ въ немъ ихъ трупы и принесутъ ихъ сюда!

Анна Андреевна залилась слезами.

— Такъ пошлите-же за людьми! распорядился дѣдушка и отеръ слезы. — А я... я больше не могу!

И онъ всталъ изъ-за стола, но тотчасъ-же упалъ въ сосѣднее кресло и откинулъ голову назадъ.

На него было жалко смотрѣть.

Анна Андреевна постояла около него, помочила салфетку въ водѣ изъ графина и закрыла ему ею лицо, а сама отправилась за людьми.

А затѣмъ вотъ что произошло въ домѣ священника въ старой графской усадьбѣ. Но здѣсь я должна сдѣлать маленькое отступленіе и рассказать то, что произошло здѣсь, въ этихъ самыхъ Незабудкахъ, около семи лѣтъ тому назадъ. Объ этомъ я узнала въ ту-же ночь, о которой здѣсь идетъ рѣчь, отъ тѣхъ-же Анны Андреев-

ны и няни, которыя стояли около моей постели и, перебивая одна другую, старались возможно подробнѣе рассказать мнѣ слѣдующее:

Какъ я упоминала уже въ началѣ этой повѣсти, нашъ дѣдушка былъ очень богатымъ и гордымъ человекомъ. Онъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта, но ушелъ изъ него въ отставку только потому, что его мнѣніе не было принято тамъ къ руководству, и такимъ-же онъ былъ и въ своей семьѣ. Онъ рано овдовѣлъ. У него осталось только двое дѣтей — горячо любимый сынъ (нашъ отецъ) и дочь Евгенія, которую онъ обожалъ. Имѣя громадное помѣстье Знаменское, всѣ они жили тогда въ Незабудкахъ и составляли одну общую семью. Наша мама рано умерла, оставивъ послѣ себя меня и Борю. Тетя-Евгенія была замужемъ за Терскимъ губернаторомъ, но тоже рано овдовѣла, оставшись послѣ мужа съ маленькой, двухлѣтней дочерью Женей. Такимъ образомъ въ Незабудкахъ, подъ одной кровлей, если можно такъ выразиться, жили три семьи: нашъ дѣдушка, нашъ папа со мной и Борей и наша тетя Евгенія со своей двухлѣтней Женей. Мнѣ тогда было около трехъ лѣтъ, Борѣ — всего только одинъ годъ. Я не помню о томъ времени ровно ничего. Вскорѣ затѣмъ умеръ скоропостижно отъ разрыва сердца нашъ отецъ — и я и Боря остались круглыми сиротами. Дѣдушка очень заботился о насъ и ни на одну минуту не оставлялъ насъ однихъ. Онъ имѣлъ чуткое любящее сердце, но наружность его была всегда суровая, тонъ сухой, онъ боялся насъ приласкать даже

при нянь и всегда, даже въ нашей дѣтской, держалъ себя такъ, точно засѣдалъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Всѣ въ усадьбѣ его побаивались. Онъ гордился своимъ происхожденіемъ отъ древняго русскаго рода и требовалъ отъ всѣхъ почтенія не столько къ самому себѣ, сколько въ своемъ лицѣ, къ своему роду.

— Вѣдь мы—Рюриковичи!.. говорилъ онъ даже въ нашемъ, дѣтскомъ присутствіи.—Нашему роду уже около тысячи лѣтъ!

Но болѣе всѣхъ онъ любилъ свою дочь Евгенію. Въ ней, казалось, была вся его жизнь. Когда она овдовѣла, онъ даже обрадовался: значить, теперь она можетъ возвратиться къ нему и жить около него. И когда она дѣйствительно переѣхала къ нему жить въ Незабудки, то онъ не зналъ, гдѣ ее посадить. Ея дочь Женья не сходила у него къ колѣней. Около ея кровати онъ просиживалъ цѣлыя ночи. Онъ не давалъ нянькѣ ее одѣвать и даже самъ мылъ ее въ ваннѣ. Было трогательно смотрѣть, какъ этотъ гордый, знатный человѣкъ самъ наливалъ въ ванну воду и какъ закутывалъ потомъ въ простыню маленькую Женю.

Тотчасъ-же по пріѣздѣ въ Незабудки своей дочери, дѣдушка пришелъ къ заключенію, что ей тѣсно будетъ въ маленькомъ домѣ вмѣстѣ съ нимъ и съ нами, и затѣялъ постройку лично для нея особаго большого дома. Онъ выстроилъ его тутъ-же, сбоку парка, съ разными затѣями, со стекляннымъ куполомъ надъ первой комнатою, и обставилъ его по царски. Однимъ словомъ, это былъ тотъ самый домъ, который мы назы-

вали нашимъ „Замкомъ“ и въ которомъ встрѣчались съ нашей „принцессой“. Затѣмъ изъ Петрограда былъ выписанъ знаменитый художникъ, который долженъ былъ написать съ тети-Евгеніи портретъ во весь ея ростъ. Портретъ этотъ удался на славу, былъ вдѣланъ въ большую золотую раму и повѣшенъ въ гостиной во вновь выстроенномъ домѣ. Въ самый день рожденія тети Евгеніи, когда ей исполнился ровно 21 годъ, дѣдушка преподнесъ ей въ подарокъ весь этотъ домъ съ полной обстановкой и съ полнымъ въ немъ хозяйствомъ. Тетя-Евгенія переселилась въ него и стала сообщаться съ нами черезъ ту самую таинственную дверь, ключъ отъ которой мы нашли затѣмъ въ старомъ павильонѣ и которая сыграла въ нашей жизни такую значительную роль.

Какъ я уже говорила, въ пяти верстахъ отъ нашихъ Незабудокъ находилась старинная, запустѣлая графская усадьба. При ней была церковь, къ которой мы были прихожанами. Настоятелемъ въ этой церкви былъ священникъ отецъ Алексѣй. Это былъ очень ученый, разумный человѣкъ и его жена, матушка, тоже получила хорошее образование и происходила изъ очень порядочной семьи. Былъ у нихъ сынъ-студентъ Сергѣй Алексѣевичъ. Какъ разъ въ тотъ самый годъ, какъ тетя-Евгенія переѣхала изъ Курска къ намъ въ Незабудки, этотъ Сергѣй Алексѣевичъ окончилъ курсъ въ университетѣ и пріѣхалъ къ родителямъ молодымъ, интереснымъ врачомъ. Конечно, всѣ въ округѣ обрадовались, что появился по близости молодой

врачъ, и стали приглашать его наперерывъ лечить больныхъ. Позвали его и къ тетѣ Евгени, у которой какъ то заболѣла маленькая Женья. Болѣзнь затянулась, докторъ сталъ ѣздить въ новый домъ каждый день и кончилось дѣло тѣмъ, что онъ сдѣлалъ предложеніе тетѣ Евгени быть его женой. Тетѣ онъ очень понравился, и она согласилась. Стали готовиться къ свадьбѣ.

Но не таковъ былъ нашъ дѣдушка, чтобы разрѣшить этотъ бракъ. Гордость его была задѣта за самое живое.

— Какъ! воскликнулъ онъ. — Она хочетъ выйти за него, за этого поповича? Да въ своемъ-ли она умѣ! И это она, родъ которой тянется уже около тысячи лѣтъ и которая по прямой линіи происходитъ отъ Рюрика! Да нѣтъ, этого не можетъ быть никогда! Я никогда не соглашусь на этотъ бракъ! Вѣдь это будетъ не бракъ, а позоръ!

Но тетя-Евгенія настаивала, вѣряла его, что она безумно любитъ Сергѣя Алексѣевича и онъ ее, — но это только еще больше подливало масла въ огонь и уязвляло дѣдушкину гордость. Онъ отказался благословить дочь наотрѣзъ.

Тогда, исчерпавъ всѣ способы убѣдить его, тетя-Евгенія въ одну темную, осеннюю ночь отправилась съ Сергѣемъ Алексѣевичемъ въ сосѣднюю церковь и обвѣнчалась съ нимъ.

Это привело дѣдушку почти въ бѣшенство. Онъ рвалъ на себѣ волосы, стоналъ, кричалъ, взывалъ къ правдѣ. Но развѣ можно было вернуть то, что было уже сдѣлано? Цѣлыя двѣ недѣли онъ пролежалъ

больной, находясь между жизнью и смертью, и остался живъ только благодаря своей крѣпкой натурѣ. Поправившись, онъ тотчасъ-же поѣхалъ въ Петроградъ и долго хлопоталъ тамъ о томъ, чтобы у тети-Евгени была отобрана ея дочь Женья и передана на воспитаніе ему.

— Такая мать не доведетъ ее до добра! говорилъ онъ.

Маленькую Женю дѣйствительно отняли отъ матери и усыновили ее, какъ это ни странно, моему покойному отцу. Со связями дѣдушки тогда это можно было сдѣлать съ успѣхомъ. И стало насъ трое: я, Женья и Боря — точно дѣти одной и той-же матери. Затѣмъ, чтобы изгладить совершенно самое воспоминаіе о своей непокорной дочери, дѣдушка обратился съ ходатайствомъ къ архіерею о переименованіи этой Жени въ Елену. Это трудно было сдѣлать, но для такого знатнаго человѣка, какъ дѣдушка, тогда было возможно все. И стала наша Женья называться съ тѣхъ поръ Еленой или по-просту Нелли, и мы даже и не догадывались, что она вовсе не была для насъ родной сестрой, а была только кузиной. Затѣмъ дѣдушка принялся за истребленіе въ семьѣ всего, что могло напомнить ему о дочери: были розданы и сожжены ея куклы, которыя хранились у дѣдушки въ шкафу еще съ ея дѣтства, ея платица, а на ея дѣтскихъ книжкахъ онъ выскоблилъ самое имя „Евгенія“... Потомъ онъ приказалъ наглухо запереть „тайственную“ дверь и забросить отъ нея ключъ.

Не наша-же вина въ томъ, что спустя нѣсколько лѣтъ, мы нашли

этотъ ключъ въ старомъ павильонѣ и попытались отпереть имъ дверь!..

Тотчасъ-же послѣ свадьбы новобрачные уѣхали куда-то далеко и новый домъ съ стекляннымъ куполомъ такъ и остался пустымъ на цѣлые семь лѣтъ. За это время Сергѣй Алексѣевичъ заразился отъ больного тифомъ и умеръ, и тетя-Евгенія осталась вдовою во второй разъ. Дѣдушка съ нами переѣхалъ въ Петроградъ, тамъ мы выросли, тамъ у насъ была гувернантка миссъ-Эвансъ, съ которою мы каждое лѣто уѣзжали на дачу въ Знаменское, и мы даже и не подозрѣвали, что на свѣтѣ существовали Незабудки и рядомъ съ ними большой, опустѣвшій домъ.

Такъ прошло много времени, какъ вдругъ до свѣдѣнія нашего дѣдушки дошло, что его непокорная дочь возвратилась въ Незабудки, чтобы продать тамъ весь свой домъ и всю свою обстановку какому-то купцу Куликову. Она поселилась у родителей своего мужа, а именно у батюшки отца Алексѣя и его жены, и стала каждый день навѣщать въ Незабудки. Сдѣлка скоро состоялась. Нашъ дѣдушка обрадовался. Значитъ, теперь его дочь уже никогда больше не появится въ Незабудкахъ, такъ какъ продала свой домъ въ нихъ другому лицу. Онъ давно уже мечталъ послать насъ на жительство туда, но его смущала только возможная встрѣча тамъ съ нами тети-Евгеніи, съ которою онъ не желалъ имѣть ничего общаго. И вотъ, въ одинъ изъ раннихъ весеннихъ дней, онъ позвалъ насъ всѣхъ троихъ къ себѣ въ кабинетъ и объявилъ намъ, что мы переѣдемъ на жительство въ Незабудки. Какъ

это было и какъ мы переѣхали туда, читатель уже знаетъ изъ этого разсказа. Онъ знаетъ также и то, какъ насъ заинтересовала тамъ таинственная дверь, какъ мы нашли отъ нея ключъ и какъ проникли въ самый домъ. Случилось только сверхъ ожиданія такъ, что ко дню нашего пріѣзда продажа не состоялась, что что-то тамъ задержалъ купецъ Куликовъ и тетя-Евгенія поневолѣ должна была прожить лишнее время у батюшки около Незабудокъ. Вотъ поэтому-то мы и встрѣчали ее въ ея домѣ, куда она навѣдывалась, чтобы помечтать тамъ наединѣ, и встрѣча съ нами для нея была тамъ такъ же неожиданна, какъ и наша встрѣча съ ней. Она совершенно не ожидала встрѣтить тамъ свою дочь Нелли и насъ, а мы въ своемъ воображеніи приняли ее за добрую фею и самому ея дому придали волшебныя свойства.

Но какъ-бы то ни было, а время шло и мы сидѣли въ заперти, закутавшись въ чехоль отъ дивана, и совершенно уже потеряли всякую надежду, на то, что насъ выпустятъ на свободу. Спустилась ночь, мы уже наплакались достаточно, такъ что даже и устали, и тѣсно прижавшись одинъ къ другому, покорно ожидали своей участи. Но насъ освободили. Вотъ какъ это произошло.

У батюшки отца Алексѣя рано ложились спать, поужинали въ девять часовъ и улеглись. Завтра, рано утромъ тетя-Евгенія должна была уѣхать совсѣмъ, всѣ ея вещи были уже уложены, и она тоже рано ушла къ себѣ. Она была очень печальна. Ей было горько, что въ послѣдній разъ она не повидалась

съ нами и что не поцѣловала на прощаніе Нелли, въ которой она уже давно узнала свою дочь. Но она долго не могла уснуть, встала съ постели, одѣлась, вышла въ гостиную и стала читать. Завидѣвъ огонь, вышелъ къ ней и батюшка въ подрясникѣ и они стали разговаривать. Какъ вдругъ до нихъ донеслись какіе-то странные звуки: кто-то изъ всѣхъ силъ стучалъ въ калитку.

— Что такое? удивился батюшка.— Кто-бы это могъ быть!

— Должно быть, кто-нибудь за тобой, отвѣтила вошедшая матушка.— Кого-нибудь соборовать или причастить.

Стукъ въ калитку продолжался.

— Надо пойти отворить! сказала батюшка.— Прислуга, должно быть, уже спитъ...

И онъ вышелъ. Скоро онъ вер-

нулся и былъ такъ взволнованъ, что на немъ не было лица.

— Въ чемъ дѣло? обратились къ нему обѣ дамы.— Что случилось?

— Дѣти въ Незабудкахъ пропали! отвѣтилъ батюшка.— Исчезли неизвѣстно, куда. Говорятъ, что всѣ трое утонули въ прудѣ. Пришли попросить у меня неводъ...

— Чьи дѣти? встревожилась тетя-Евгенія.

— Генеральскія внучата... Такая, право, досада... Хорошія были дѣтки!

Матушка зарыдала. Тетя-Евгенія поблѣднѣла, какъ полотно, но тотчасъ-же вскочила и набросила на себя тальму.

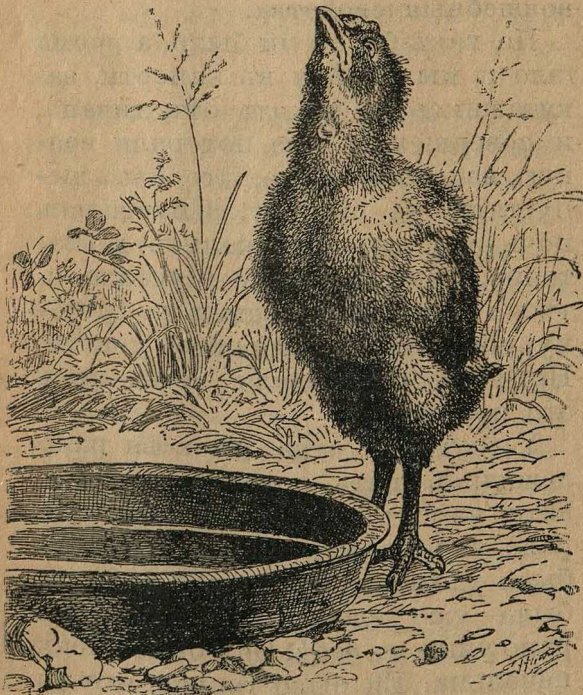
— Давно ихъ нѣтъ? спросила она.— Давно они исчезли?

— Да вотъ посланный говорить, что съ пяти часовъ, отвѣтилъ батюшка.

— Въ такомъ случаѣ я знаю, гдѣ они! Я ихъ сейчасъ разыщу и доставлю ихъ живыми!

И прежде чѣмъ батюшка отецъ Алексѣй и матушка могли что-нибудь сообразить, она выбѣжала изъ комнаты и скоро ея голосъ былъ слышенъ уже у калитки. Она быстро и горячо разспрашивала о чемъ-то посланнаго. Затѣмъ она сѣла въ тарантасъ, на которомъ онъ пріѣхалъ, и вмѣстѣ съ нимъ уѣхала въ Незабудки. Батюшка и матушка въ недоумѣніи остались одни.

Было уже совсѣмъ темно, когда мы, потерявъ всякую надежду на освобожденіе, сидѣли въ гостиной на полу, и не знали, что дѣлать. Намъ было холодно, мы истомились душой и уже хотѣли ѣсть и пить, насъ тянуло въ наши уютныя кровати, въ которыхъ такъ сладко

Пить хочется.

можно было-бы протянуть ноги, укрыться съ головой и заснуть, а главное—то, что сейчас дома

щеніи, каждый шорохъ приводилъ насъ въ ужасъ, а время все шло и шло и не видѣлось конца нашему

— Дѣти, дѣти!.. Они нашлись!.. Господи, ты услышалъ мою молитву!

о насъ должны были беспокоиться дѣдушка, няня и Анна Андреевна — все это заставляло насъ страдать еще болѣе. Мы боялись оставаться на ночь одни въ пустомъ помѣ-

заключенію. Мы просто приходили въ отчаяніе.

— Что-то теперь дѣлаетъ няня?.. печально проговорилъ Боря.

— А дѣдушка должно быть те-

перь сердится на насъ... еще печальнѣе произнесла я.—Господи, за что такое наказаніе!

Нелли не сдержалась и стала плакать.

— Хоть-бы къ намъ пришла сейчасъ наша милая принцесса, сказала она,—и освободила насъ!

И вдругъ, точно по щучьему велѣнью, гдѣ-то вдаль послышались голоса, забренчали ключи, раздались шаги—и затѣмъ дубовая дверь отперлась, отворилась и, съ фонаремъ въ рукѣ, къ намъ дѣйствительно вошла принцесса.

— Бѣдняжечки! воскликнула она.— Вы здѣсь!

Мы не вѣрили своимъ глазамъ. Это появленіе тети-Евгеніи показалось намъ волшебнымъ сномъ. Съ быстротою молніи мы вскочили съ пола и съ радостнымъ визгомъ бросились къ ней на шею.

— Тетя, тетечка, тетя! закричали мы.

Она сгребла насъ въ объятія всѣхъ вмѣстѣ и стала насъ крѣпко-крѣпко цѣловать. Потомъ она схватила Нелли на руки и стала цѣловать и обнимать ее отдѣльно. Слезы такъ и катились у нея по щекамъ. Мы были спасены. Все, что мы перестрадали, сидя взаперти, было тотчасъ-же забыто и мы уже радовались, прыгали, какъ козы, смѣялись и говорили глупости. А наша милая фея все еще не могла разстаться съ Нелли, обнимала ее, цѣловала и то и дѣло повторяла:

— Женя, Женюша! Моя милая, дорогая Женя!

А затѣмъ мы отправились всѣ домой.

— Пойдемте! обратилась къ намъ

принцесса.— Васъ тамъ уже ждали. Уже пора!

Я не помню, какъ мы вышли изъ нашей ловушки, какъ шли черезъ паркъ и какъ, съ сердечнымъ трепетомъ и душевнымъ волненіемъ, входили къ себѣ въ домъ. Мы побаивались, что дѣдушка накажетъ насъ, но съ нами шла и наша принцесса и съ нею намъ было не страшно. Когда мы дошли до порога, то принцесса на минуту остановилась и, взявшись за грудь, тихо, чуть слышно, произнесла:

— Господи, помоги мнѣ!.. Цѣлые семь лѣтъ я не переступала этого порога!

А затѣмъ мы вошли.

Дѣдушка, весь въ слезахъ, сидѣлъ въ столовой на креслѣ. Около него была Анна Андреевна. Всѣ остальные находились около пруда и я ужъ не знаю, что они тамъ дѣлали. Какъ вдругъ распахнулась дверь—и съ веселымъ смѣхомъ, хотя и не безъ страха, мы вбѣжали въ столовую и бросились къ старику.

— Дѣдушка! Дѣдушка! закричали мы.— Милый, хорошій дѣдушка! Вотъ и мы!

Онъ поднялъ голову, увидѣлъ насъ невредимыми и не зналъ, что дѣлать. Слезы брызнули у него изъ глазъ и въ то-же время онъ сталъ смѣяться.

— Дѣти! Дѣти! залепеталъ онъ.— Они нашлись!.. Господи! Ты услышалъ мою молитву!

И вдругъ, увидѣвъ около насъ нашу принцессу, онъ сразу-же сдѣлался серьезнымъ. Къ нашему удивленію, она вдругъ опустилась передъ нимъ на колѣни, обхватила ихъ руками и стала громко и безутѣшно рыдать.

— Папа, говорила она, — папа! Прости меня! Я такъ все время страдала безъ дочери и безъ тебя!

Она еще крѣпче обхватила его колѣни и зарыдала еще безутѣшнѣе. Не зная, въ чемъ дѣло, и только слыша, что наппа принцесса просила его простить за что-то именно ее, а не насъ, мы обняли дѣдушку со всѣхъ сторонъ, стали его цѣловать въ морщинистыя щеки и тоже повторяли:

— Дѣдушка, милый, прости ее! Вѣдь это она насъ спасла! Если-бы не она, то насъ не было-бы уже въ живыхъ!

Дѣдушка отстранилъ насъ всѣхъ отъ себя, пристально и серьезно посмотрѣлъ на насъ, потомъ поднялъ съ колѣнъ напу принцессу и долго и пристально смотрѣлъ и на нее. Она все еще продолжала плакать. Сердце его наконецъ смягчилось и онъ, столько лѣтъ не выдавшій своей родной дочери и не желавшій ее видѣть, вдругъ привлекъ ее къ себѣ, взявъ обѣими руками ее за голову и поцѣловалъ ее въ темя.

— Значить, такъ Богу угодно!.. произнесъ онъ. — Пусть проститъ насъ съ тобою Господь! Забудемъ же обо всемъ, что было, и будемъ жить такъ, какъ жили и тогда!.. Ты спасла мнѣ дѣтей—и да вознаградить тебя за это Провидѣніе!

И оба обнялись и долго-долго плакали горячими слезами.

Затѣмъ дѣдушка подозвалъ къ

себѣ Нелли, взявъ ее за руку и подвелъ ее къ принцессѣ.

— Нелли, обратился онъ къ ней, — это твоя родная мать! Подойди къ ней и будь къ ней почтительной дочерью!

Нелли тотчасъ-же подбѣжала къ матери и повисла у нея на шеѣ. А затѣмъ дѣдушка обратился къ намъ:

— А для васъ—это тетя-Женя! Это—моя дочь, родная сестра вашего отца!

Но мы догадывались объ этомъ уже и безъ него. Дѣти вѣдь всегда такъ догадливы не по лѣтамъ! Мы тоже бросились къ нашей любимой тетѣ и стали цѣловать ее, цѣловать безъ конца.

Вотъ и конецъ моей повѣсти! Нужно-ли рассказывать, что было потомъ? Я думаю, что не нужно, что мнѣ пора уже кончать, и что обо всемъ, что послѣдовало дальше, мои читатели догадаются и сами. Я скажу только, что съ этого богатаго событіями вечера мы всѣ уже никогда больше не разставались, жили вмѣстѣ, и что нашъ дѣдушка не могъ нарадоваться на насъ и на свою дочь, а няня и Анна Андреевна часто украдкой поглядывали на образъ, набожно крестились и повторяли:

— Слава тебѣ, Господи! Такъ-бы и давно! Все хорошо, что хорошо кончается!

А въ этой повѣсти, согласитесь, — совсѣмъ счастливый конецъ!

К. Тр.—

К О Н Е Ц Ъ.

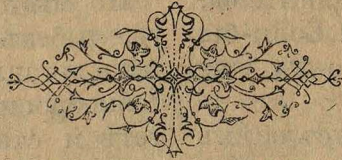

СКОРО И ЗИМА!

Не растутъ деревья пышно,
 Не цвѣтутъ цвѣты,
 Птиць въ лѣсу уже не слышно
 И поля пусты.
 Въ теплый край ужъ улетѣли
 Съ крикомъ журавли...
 Голо все и только ели
 Хмурятся вдали.

Шель снѣжокъ...
 Туманны дали...
 Дождикъ льетъ съ утра,
 Дни темнѣй, короче стали—
 Скучная пора!
 Грязь и лужи по дорогѣ,
 Въ три часа ужъ тьма...
 Подожди еще немного—
 Скоро и зима!

Ирисъ.

РАЗНЫМИ ДОРОГАМИ.

(Окончаніе).

Маленькая Хильма совершенно не помнила ничего. Когда она очнулась на песчаномъ берегу, то было свѣтло, море было спокойно и пригрѣвало солнце. Она встала на ноги и протерла себѣ глаза.

„Что за диковина? подумала она.—Гдѣ это я? Гдѣ-же мои мама и братья?“

И она вдругъ вспомнила бурю, крушеніе корабля и тотъ моментъ, когда она выскользнула изъ объятий матери и очутилась вдругъ въ водѣ. Вода была холодная и соленая. Въ ней было такъ неуютно! Сначала она барахталась въ ней, а потомъ, освоившись, какъ-то вдругъ легко поплыла, точно мячикъ по волнамъ. Какъ ребенокъ ея лѣтъ, она была толстенъкая, много вытѣсняла собою воды и потому ей легче было, чѣмъ другимъ. Затѣмъ ей стало такъ страш-

но, что у нея застучали зубы и она лишилась чувствъ. Когда-же она открыла глаза, то бури уже не было, она лежала на берегу и все, что случилось съ кораблемъ, показалось ей тяжелымъ, но интереснымъ сномъ.

— Мама! Мама! закричала она и вновь заплакала.

Къ ней подошла какая-то дѣвочка и увидѣвъ, что она лежитъ на берегу одна и вся мокрая, сразу-же поняла, что это—жертва какого-нибудь кораблекрушенія.

— Бѣдняжка!.. заговорила она по-англійски.—Ты спаслась только одна!.. Да гдѣ-же твои мама и папа? Неужели они утонули во время вчерашней бури! Ахъ, ты бѣдная, бѣдная!..

И она взяла ее на руки и понесла съ песчаной отмели на берегъ. Хильма все еще плакала и

звала къ себѣ маму. Дѣвочка присѣла съ ней около какого-то сарая на старый, полуразвалившійся фундаментъ и посадила ее къ себѣ на колѣни.

— Не плачь, милая! утѣшала она ее. — Погрѣйся здѣсь на солнышкѣ! А потомъ я отведу тебя къ моей бабушкѣ и она дастъ тебѣ молочка! Вотъ такъ! Прижмись ко мнѣ!

Хильма не понимала ее, но по тону ея голоса догадалась, что дѣвочка ее жалѣла, и скоро перестала плакать. Глаза, у нея слипались, щеки горѣли и Хильмѣ было какъ-то не по себѣ. Она не ѣла уже вторыя сутки, но ей все не хотѣлось ѣсть, и она чувствовала себя такъ, какъ четыре мѣсяца тому назадъ, когда у нея была корь и она металась отъ жара. Навѣрное, у нея и сейчасъ былъ жаръ. По всей вѣроятности, она простудилась, столько времени находясь въ холодной водѣ и на берегу, и теперь у нея во всѣхъ членахъ стояла такая тянущая ломота, что ей хотѣлось какъ можно скорѣе лечь въ теплую-теплую постельку и, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ, протянуть ножки.

— Я спать хочу! сказала она. — Мнѣ хочется баньки!..

А дѣвочка-англичанка въ свою очередь не понимала ее и говорила:

— Вотъ мы погрѣмся сейчасъ на солнышкѣ, ты высохнешь лучше, а потомъ я отведу тебя къ своей бабушкѣ и она дастъ тебѣ покушать. Тебя какъ зовутъ? Сколько тебѣ лѣтъ? Меня зовутъ Винифредой, а мою бабушку мистрисъ Форти. У меня есть еще и старшая сестра Гретти, но она уже замужемъ и съ нами не живетъ... Я тоже живу у нея и нянчу

ея ребеночка, такъ что наша бабушка живетъ одна. Ей такъ, бѣдной, скучно одной!.. Но это ничего! — Я сведу тебя къ ней, и она будетъ тебѣ очень рада! А мой маленькій Джекъ еще спитъ и у меня еще есть время... Ты хочешь кушать?

Винифредъ весело болтала, но Хильма ея не слушала вовсе. Она сидѣла у нея на колѣняхъ вся въ жару, чувствовала въ головѣ какой-то неприятный шумъ, и чтобы не глядѣть на солнце, зажмурила глаза. Съ закрытыми глазами ей было легче.

И вдругъ издалека послышался чей-то голосъ:

— Фреда!.. Винифредъ, гдѣ ты? Маленькій Джекъ проснулся! Иди скорѣе домой!

Винифредъ встрепенулась, хотѣла-было спустить съ колѣней Хильму, но дѣвочка уже находилась въ забытьѣ.

— Ты спишь? спросила она. — Да ты никакъ больна! У тебя жарокъ, да, да! Ахъ, ты бѣдная, бѣдная!

Въ это время женскій голосъ раздался уже вблизи.

— Да иди-же, Винифредъ, скорѣй! Развѣ ты не слышишь, какъ плачетъ маленькій Джекъ?

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣтила Фреда. — Только я не могу, Гретти!.. У меня на колѣняхъ чужая дѣвочка! Она, кажется, больна!

Изъ-за живой изгороди вышла высокая молодая женщина въ широкополой шляпѣ. Увидавъ Хильму, она подошла къ ней и спросила сестренку, что это за незнакомая дѣвочка? Фреда тотчасъ-же быстро рассказала ей, какъ шла сейчасъ по берегу и нашла на

немъ вотъ эту мокрую, чужую дѣвочку, которую навѣрное выбросило сюда волнами послѣ вчерашней страшной бури.

— Тамъ навѣрное было какое-нибудь кораблекрушеніе! серьезно добавила она.

Гретти нагнулась надъ Хильмой взяла ее за руку, и пощупала нѣтъ ли у нея жара.

— Да, горячая... сказала она.— Эта дѣвочка дѣйствительно больна... У нея жаръ... Ишь, какъ покраснѣлась!..

И, подумавъ немного, она продолжала:

— Снеси ее скорѣе къ нашей бабушкѣ! Пусть она уложитъ ее въ постельку! Скажи ей, что эту дѣвочку выбросило къ намъ моремъ и что это я прислала ее съ тобой. Ахъ, какое страшное несчастіе! Навѣрное, тамъ погибъ вчера цѣлый корабль съ массой пассажи-ровъ!

Она хотѣла еще что-то сказать Фредѣ, но въ это время изъ-за живой изгороди послышался громкій плачь маленькаго Джека и Гретти побѣжала къ нему со всѣхъ ногъ.

— Такъ иди-же къ бабушкѣ, сказала она Фредѣ,—и возвращайся скорѣе!

Винифредъ слѣзла съ фундамента, взвалила къ себѣ на руки Хильму и, еле преодолевая ея тяжесть, насколько хватало у нея силъ, помчалась со своей драгоценной ношей къ бабушкѣ.

Мистрисъ-Форти сидѣла въ это время у дверей своей хижины и пряла. Завидѣвъ еще издали Винифредъ, она сначала не поняла, въ чемъ дѣло.

— Кого это ты тащишь? крик-

нула она ей.—Ахъ, ты озорница! И вѣчно она съ шалостями!

Но увидѣвъ, что Хильма была съ закрытыми глазами и вся красная, она смутилась.

— Кого это ты тащишь? вновь спросила она.—Что это за дѣвочка?

Фреда подошла къ ней близко и, не спуская Хильмы съ рукъ, быстро-быстро рассказала ей въ чемъ дѣло. Бабушка встревожилась и отстранила отъ себя прялку.

— Да не можетъ быть! всплеснула она руками.—Ты говоришь, что нашла ее на берегу? Ахъ, бѣдная дѣвочка! Значитъ, она теперь сироточка и у нея уже болѣе нѣтъ ея дорогихъ родителей! Но какое счастье, что спаслась хоть она! Это сохранилъ ее самъ Господь! А какая вчера была буря на морѣ! Ужасъ, ужасъ одинъ! Это послалъ намъ ее Богъ за грѣхи! Дай ее, Винифредъ, сюда!

Она взяла отъ Фреды Хильму и крѣпко прижала ее къ груди. Хильма уже не открывала глазъ и была совершенно безучастна къ тому, что вокругъ нея дѣлалось и говорилось.

— Бѣдная, бѣдная ты моя птичка!.. продолжала старушка.— Вся мокрая... Сколько ты, моя голубушка, перенесла!

И она вошла съ ней къ себѣ въ домикъ, осторожно раздѣла ее и уложила въ постель. Хильма, вся красная отъ охватившаго ее жара, положила голову на подушку и тотчасъ-же забылась. Она часто и коротко дышала. Постоявъ немного около нея, Фреда убѣждала качать маленькаго Джека, а ея бабушка мистрисъ Форти опустилась передъ кроватью на колѣни и, точно Хильма была ея собствен-

ной, родной внучкой, стала прислушиваться къ ея дыханію. Потомъ, убѣдившись, что дѣвочка дѣйствительно была больна, она налила въ блюдце спирту и уксусу и этой смѣсью кругомъ обтерла Хильму.

— Вотъ такъ... приговаривала она при этомъ. — Это ничего... Я тебя, милочку, смажу, ты пропотѣешь,— оно и пройдетъ!

Затѣмъ она согрѣла воды, влила въ нее нѣсколько капель какого-то своего собственнаго лекарства и, приподнявъ съ подушки голову Хильмы, почти насильно заставила ее сдѣлать нѣсколько глотковъ.

— А теперь спи крѣпче, сказала она.— Часика черезъ два ты пропотѣешь, тебѣ и будетъ легче!

И укрывъ ее съ головой, она сѣла у изголовья кровати и такъ и просидѣла около Хильмы цѣлые два часа, не спуская съ нея глазъ и все ужасалась въ душѣ вчерашней бурѣ.

Вѣсть о томъ, что море выбросила на берегъ какую-то живую дѣвочку, быстро облетѣла все селеніе и всѣ толпой повалили къ мистрисъ Форти, чтобы лично убѣдиться, правда-ли это? Прибѣжала и Фреда и уже тараторила, рассказывая всѣмъ и каждому, какъ она вышла погулять на берегъ и какъ нечаянно наткнулась на чью-то дѣвочку. Но Хильма еще спала, старушка никого не впустила къ себѣ, чтобы ее не разбудить, и тоже, выйдя на улицу, всѣмъ рассказывала о томъ, какъ она сидѣла у двери и прядла и вдругъ увидѣла Фреду, которая черезъ силу тащила на рукахъ ребенка.

— Значить, такая ей судьба, чтобы спастись, говорилъ глубоко-

мысленно народъ. — Всѣ погибли, а вотъ она одна спаслась! Значить, такъ захотѣлъ самъ Богъ!

И еще долго пришедшіе говорили о томъ, что эту дѣвочку бросать нельзя, что ее надо приютить и воспитать и что лучшаго и нельзя придумать, какъ оставить ее у мистрисъ Форти, которая очень любить дѣтей, да къ тому-же и одинока. А потомъ всѣ разошлись и старушка съ Хильмой осталась одна. Мистрисъ Форти просто была сама не своя. Она просто обезумѣла отъ радости. Неужели-же у нея будетъ дѣвочка, которая замѣнитъ ей Гретти и Фреду и будетъ жить съ ней всегда? Неужели-же она, старая мистрисъ Форти, будетъ теперь вставать утромъ, проводить весь день и ложиться по вечерамъ спать не одна, а съ этой маленькой, посланной ей самимъ Богомъ, дѣвочкой, которая, быть можетъ, современемъ закроетъ ей глаза и помолится въ церкви за упокой ея души. Ея внучка Гретти вышла замужъ и ушла отъ нея къ мужу, точно такъ-же выйдетъ замужъ и уйдетъ и Фреда, которая все равно и сейчасъ живетъ у своей сестры, а эта дѣвочка ужъ будетъ съ нею всегда, останется при ней и замѣнитъ ей всѣхъ. И полная благодарности за такую неожиданную находку, она подошла къ окну, сложила руки ладонями вмѣстѣ и, поднявъ глаза къ небу, нѣсколько разъ съ благоговѣніемъ сказала:

— Слава Богу!.. Слава Богу!..

Черезъ два часа Хильма пропотѣла, откинула съ себя одѣяло и открыла глаза.

— Мама!.. сказала она и улыбнулась.

— Да, горячая... сказала она. — У нея жаръ... Ишь какъ раскраснѣлась!
(Къ повѣсти „Разными дорогами“).

Старушка обрадовалась, опустилась передъ ней на колѣни и стала ее ласкать.

— Милая ты моя!.. заговорила она.— Тебѣ легче? Ну, вотъ и слава Богу! Я такъ и знала, что ты скоро поправишься!..

И она стала задавать ей вопросы: кто она, гдѣ жила и кто

хотѣлось ѣсть. Старушка точно догадалась объ этомъ, потому что тотчасъ-же достала изъ печки кашу, варенныя яйца и теплый картофель.

— Кушай, голубушка!.. нѣжно сказала она.— Ты проголодалась! Ёшь на здоровье!

Хильма почувствовала себя уже

Старушка обрадовалась, опустилась передъ ней на колѣни и стала ее ласкать.

были ея родители, но дѣвочка не понимала по-англійски и въ свою очередь звала къ себѣ мать и задавала мистрисъ Форти вопросы по-голландски. Обѣ не понимали другъ дружку, но по тону и по тѣмъ ласкамъ, съ которыми обращалась съ дѣвочкой мистрисъ Форти, дѣвочка догадалась, что она попала къ добрымъ людямъ, и успокоилась. Къ тому-же ей за-

настолько хорошо, что поднялась съ постели, подбѣжала къ столу и стала ѣсть за обѣ щеки. Наѣвшись, она повеселѣла, новизна обстановки увлекла ее и съ дѣтскимъ любопытствомъ, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ, она стала разсматривать картинки въ старой библии мистрисъ Форти, а потомъ отодвинула въ ея комодѣ ящикъ, выворотила оттуда лоскутъ, ко-

торые старушка уже столько лѣтъ собирала себѣ на одѣяло, и стала играть. Мистрисъ Форти не мѣшала ей, смотрѣла на нее издалека и только повторяла:

— Слава Богу!.. Слава Богу!..

А затѣмъ наступилъ вечеръ и обѣ улеглись спать. Мистрисъ Форти раздѣла Хильму, прижала ее къ себѣ и долго еще не могла уснуть отъ сладкой теплоты, которая разливалась у нея по груди отъ тѣла Хильмы. А Хильма заснула тотчасъ-же и крѣпко проспала до самага утра.

Когда неизвѣстный пассажиръ съ корабля „Святая Риза Богоматери“, привязавъ Анну Гольбейнъ къ обломку мачты и самъ пошелъ ко дну, то она вскорѣ-же лишилась чувствъ. Ее долго носило по волнамъ и все время она не приходила въ себя. Въ одномъ платьѣ, перетянутая веревками, она давно уже заоченѣла и съ перваго взгляда трудно было понять, теплилась-ли въ ней еще искра жизни, или-же погасла навсегда. Прошелъ день, прошла ночь и вновь наступилъ разсвѣтъ, ураганъ уже прекратился и только взбаломученное море все еще продолжало волноваться и перебрашивало ее вмѣстѣ съ мачтой съ гребня на гребень. Только иногда, черезъ громадныя промежутки времени, Анна Гольбейнъ точно-бы приходила въ себя, приоткрывала чуть глаза, но тотчасъ же закрывала ихъ и снова впадала въ забытье.

Въ серединѣ второго дня кучка моряковъ столпилась на берегу. Кто-то изъ нихъ увидаль на поверхности моря какую-то точку и обратилъ на нее вниманіе остальныхъ.

— Смотри-ка, Джонъ, обратился онъ къ старшему.— Кажется, тамъ кто-то тонетъ!

Джонъ прищурился, поглядѣлъ въ пространство и быстро отвѣтилъ:

— Да, да! Тамъ дѣйствительно кто-то плыветъ!

Всѣ другіе приложили ладони къ глазамъ и тоже стали вглядываться въ море.

— Да нѣтъ, это такъ!.. возразилъ кто-то.— Это просто какой-нибудь предметъ! Если-бы это былъ погибающій человѣкъ, то онъ махалъ-бы намъ руками и кричалъ.

Но Джона не легко было разубѣдить въ томъ, въ чемъ онъ разубѣдился уже убѣжденъ.

— Несите сюда скорѣе трубу! распорядился онъ.— Кричите изъ всѣхъ силъ, чтобы васъ услышали тамъ и плыли къ берегу!

Двое человѣкъ побѣжали за зрительной трубой, а всѣ остальные, приложили руки ко ртамъ, стали во все горло кричать:— Сюда, сюда!

Но Анна Гольбейнъ ихъ не слышала. Ее дѣйствительно пригонило къ берегу, но совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ—не тамъ, гдѣ выбросило сыновей и дочь. Ее несло прямо на кучку моряковъ, которые стояли на берегу около своего селенія и собирались отправляться на рыбную ловлю.

Скоро труба была принесена и поставлена на треножникъ на берегу. Каждый по очереди сталъ въ нее смотрѣть.

— Да, да, это человѣкъ! слышались голоса.— Это какая-то женщина, привязанная къ бревну! Ее необходимо спасти! Необходимо подать ей помощь сейчасъ-же, иначе она погибнетъ!

И нѣсколько сильныхъ рукъ сдвинули въ воду боть, быстро вскочили въ него, взялись за весла и отчалили отъ берега. Волна подхватила ихъ и понесла въ море.

Съ каждымъ взмахомъ веселъ моряки все ближе и ближе подплывали къ Аннѣ Гольбейнъ. Джонъ махалъ ей рукою и кричалъ. Но она попрежнему не слышала никого и ничего и въ забытьи лежала на своемъ обломкѣ почти съ полуоткрытыми погасшими глазами.

Наконецъ лодка подплыла къ ней вплотную, моряки ужаснулись, увидавъ ее на обломкѣ мачты, приняли ее за покойницу и набожно сняли фуражки, чтобы отдать ей послѣдній долгъ. Затѣмъ они отвязали ее, перетащили къ себѣ въ лодку и поплыли обратно къ берегу.

— Царство ей небесное! сказали кто-то.

— Да, вѣчный покой!.. Интересно только было-бы знать, съ какого она корабля?

И вдругъ она пошевелинулась. Всѣ моряки встрепенулись, обрадовались и Джонъ бросился къ ней и сталъ приводить ее въ чувство.

— Она еще жива! радостно воскликнулъ онъ. — Она дышетъ! Братцы, помогите мнѣ! Пусть двое изъ васъ гребутъ, а двое другихъ помогутъ мнѣ привести ее въ себя!

Моряки бросились къ нему на помощь и умѣлыми руками принялись помогать своему товарищу. Но Анна Гольбейнъ вновь впала въ забытѣе и такъ и не выходила изъ него до самаго прибытія къ берегу.

А на берегу предсталъ трудно

разрѣшимый вопросъ: Анна была жива—это было несомнѣнно, такъ какъ всѣ видѣли, какъ она двигалась; слѣдовательно, ее нужно было къ кому-нибудь пристроить на попеченіе, — но кто рѣшился-бы взять къ себѣ больную? Моряки остановились въ нерѣшительности. Больницъ тогда не было, да и никого не было по близости изъ богатыхъ, кто согласился-бы пристроить у себя неизвѣстную женщину, да къ тому же еще и въ глубокомъ обморокѣ. А необходимо было спѣшить.

— Помѣстимъ ее къ тетущкѣ— Джиневрѣ! предложилъ Джонъ. — Она одинока и живетъ только со своимъ мальчикомъ-приемышемъ Оливеромъ! Я думаю, что у нея хватить мѣста и для этой потерпѣвшей!..

Всѣ согласились съ нимъ и понесли Анну къ тетущкѣ-Джиневрѣ.

Тетущка-Джиневра была уже дряхлая старушка, цѣлые дни проводившая за чтеніемъ священнаго писанія. Когда-то уже давно, въ одинъ изъ такихъ-же урагановъ, какой былъ наканунѣ, погибли одновременно въ морѣ ея мужъ и двое взрослыхъ сыновей — и она навѣки осталась одна. Каждый вечеръ съ тѣхъ поръ она зажигала лампу, клала въ сторону свой безконечный чулокъ и принималась за молитвенникъ. Она читала псалмы и священные гимны, а въ ея воображеніи всякій разъ неизмѣнно выростала картина крушенія того судна, на которомъ плыли когда-то ея мужъ и сыновья — и она долго оставалась недвижимой и немигавшими глазами смотрѣла въ темное окошко, точно ожидая, что вотъ-вотъ къ ней по-

стучатся тѣ, кого она такъ безнадежно потеряла. Кто-то подбросилъ къ ней мальчика Оливера, котораго она оставила при себѣ. Этому мальчику теперь было около одиннадцати лѣтъ. Онъ былъ тихаго нрава, ухаживалъ за старухой и цѣлые вечера просиживалъ около нея, прислушиваясь къ ея монотонному чтенію или къ шуму непогоды. Она научила его читать и онъ часто читалъ ей вслухъ. Такъ и проходили ихъ дни — для одного безъ всякой надежды наилучшее будущее, а для другой — все ближе и ближе къ желанному концу.

И вдругъ къ нимъ принесли Анну Гольбейнъ. Старушка вовсе даже и не думала отказываться отъ того, чтобы ее помѣстили именно у нея. Она приняла-бы ее изъ одного только чувства христіанскаго человѣколюбія, а тутъ еще ей сказали, что и эта женщина тоже потерпѣла кораблекрушеніе. Тетушка-Джиневра тотчасъ же уложила ее въ свою постель и своими домашними средствами стала приводить ее въ сознаніе. Мужчины тотчасъ-же ушли — и для маленькаго Оливера настала очередь похлопотать. Онъ засуетился около больной, растиралъ ей руки и ноги, тетушка-Джиневра согрѣвала припарками ей грудь и давала чего-то въ ротъ — и къ вечеру они добились своего. Анна Гольбейнъ очнулась, пришла въ себя и удивленными глазами оглядѣлась вокругъ.

— Гдѣ я? спросила она.

Ей отвѣтили что-то по-англійски. Она знала по англійски и не прошло и получаса, когда она уже рассказывала противней ее ста-

рушкѣ и ея приемышу о своей судьбѣ. Тѣ слушали ее и ужасались и то, что Анну Гольбейнъ постигло почти точно такое-же несчастье, какъ и старушку, — это сразу-же сблизило ихъ обѣихъ.

— Ты еще слаба, обратилась къ ней тетушка-Джиневра, выслушавъ ея рассказъ. — Лягъ и засни покрѣпче. Считаю, что ты здѣсь у себя дома. Не стѣсняйся насъ. Мы для тебя — свои.

Анна Гольбейнъ повалилась на подушку и дѣйствительно скоро заснула. Но на утро она проснулась совсѣмъ больной. Къ вечеру слѣдующаго дня она уже металась въ жару, бредила, звала къ себѣ дѣтей и даже вскакивала съ постели. Тетушка-Джиневра все время находилась при ней, клала ей на лобъ полотенце въ холодной водѣ, и ласково поглаживала ее по плечамъ и головѣ.

— Успокойся, моя милая!.. уговаривала она ее. — Господь тебя спаси и помилуй! Такая еще молодая — и вотъ какія тебя постигли испытанія!..

А маленькій Оливеръ стоялъ поодаль, глядѣлъ на больную большими глазами и молчалъ.

Анна Гольбейнъ тяжело расхворалась. Она пролежала въ бреду около двухъ недѣль, такъ что даже отчаялись въ ея выздоровленіи, но затѣмъ стала понемногу поправляться. Слабая, исхудавшая, какъ щепка, она не радовалась своему выздоровленію и втайнѣ просила себѣ у Бога смерти. Она была увѣрена въ гибели своихъ дѣтей и желала соединенія съ ними на небѣ. Все время маленькій Оливеръ былъ при ней и старался угодить ей то тѣмъ, то другимъ, но онъ на-

поминаль ей объ ея сыновьяхъ и при взглядѣ на него, она улыбалась ему грустной улыбкой и затѣмъ начинала плакать. Поправленіе ея шло медленно, оно затянулось на цѣлыя недѣли. Все то, что дѣлала ея крѣпкая натура, разбивалось о горе ея сердца — и тетушка-Джиневра иногда отходила въ уголокъ и горько плакала, будучи не въ силахъ выносить ея тоски.

Однажды въ концѣ уже пятой недѣли болѣзни, Анна Гольбейнъ сидѣла, вся въ подушкахъ у печи. Пылалъ огонь и по комнатѣ разливалась пріятная теплота. На дворѣ опять была непогода. Старушка-Джиневра какъ-то ушла, а маленькій Оливеръ былъ тутъ-же около больной и читалъ ей вслухъ біблію; Анна была блѣдна, какъ смерть, и сидѣла съ закрытыми глазами. Оливеру по временамъ казалось, что она спитъ, или-же не слушаетъ его и думаетъ о другомъ. Но онъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ свое дѣло. Тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ онъ медленно, чуть не по складамъ, читалъ святыя слова. И вдругъ Анна вздрогнула, встрепетулась, широко раскрыла глаза и уставилась ими въ окно. Ей вдругъ представилось, что окошко тихо растворилось и черезъ него влетѣли въ комнату три прекрасные, какъ мечта, херувима. Они были прозрачны и нѣжны и Анна слышала легкой трепетъ ихъ крыльевъ. Они покружились около нея, улыбнулись ей и хотѣли-было улетѣть обратно, но она вдругъ почувствовала на душѣ какой-то сладостный трепетъ и, сложивъ руки ладонями вмѣстѣ, тихо въ благоговѣніи ихъ спросила:

— Кто вы? Почему вы ко мнѣ прилетѣли?

Они улыбнулись ей и отвѣтили:

— Мы — души твоихъ Клода, Павла и Хильмы. Они сейчасъ живы и спятъ и видятъ во снѣ тебя. Мы отлетѣли отъ нихъ на время, чтобы навѣстить тебя и принести успокоеніе твоей изстрадавшейся душѣ.

— Но гдѣ-же они? Гдѣ они сейчасъ? громко воскликнула Анна и видѣніе исчезло.

Маленькій Оливеръ подумалъ, что это она задала вопросъ ему, и, поднявъ голову отъ книги, тихо и ласково отвѣтилъ:

— Успокойтесь, мистрисъ... Я, право, не знаю, гдѣ сейчасъ ваши дѣти, но навѣрное ихъ сохранить Господь!

Анна оглядѣлась вокругъ себя и посмотрѣла на окно. Оно было по прежнему заперто и на дворѣ шумѣла непогода. Но видѣніе для нея было такимъ яснымъ, такимъ отчетливымъ и голоса херувимовъ еще такъ явственно звучали у нея въ ушахъ, что она стала себя щипать. А затѣмъ она обратилась къ Оливеру:

— Ты здѣсь сейчасъ никого не видѣлъ? спросила она его. — Ты не замѣтилъ сейчасъ ничего?

Онъ поднялъ на нее простые, ясные глаза и искренно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, мистрисъ, никого... Это вамъ такъ показалось.

Она смолчала, но этотъ случай произвелъ въ ея жизни цѣлый переворотъ. Она теперь была уже убѣждена, что ея дѣти были живы, и рѣшила во что-бы то ни стало ихъ найти. Эта рѣшимость придала ей надежды, а надежда возвратила ей жизнь. И, полная ра-

достнаго предчувствія, она съ каждымъ днемъ стала все болѣе и болѣе поправляться и наконецъ поправилась совсѣмъ. Но все еще слабая, обезсиленная тяжелою болѣзнию и горемъ, она прожила еще немного у старой Джиневры и подъ конецъ все-таки не могла сладить съ собою, взяла палку и отправилась на поиски.

— Прощай, тетушка! обратилась она къ старушкѣ. — Да сохранить тебя Господь! Чѣмъ я могу тебя отблагодарить?

Старушка отерла слезы и поцѣловала ее въ лобъ. Она знала, что удерживать мать, отправляющуюся на поиски за дѣтьми, было невозможно, и ласково ей сказала:

— Счастливаго тебѣ пути, моя милая, ненаглядная дочь! Но еслибы ты осталась у меня на всю свою жизнь, то я была-бы болѣе довольна, чѣмъ разставаться съ тобою быть можетъ навсегда.

А затѣмъ она подумала немного и продолжала:

— Возьми съ собою и маленькаго Оливера! Онъ поможетъ тебѣ въ пути. Если ты найдешь своихъ дѣтей, то онъ будетъ ихъ другомъ, а если они погибли, то онъ замѣнитъ тебѣ родного сына. А я... я вѣроятно уже скоро умру!..

Анна посмотрѣла на нее благодарными глазами, взяла маленькаго Оливера за руку, онѣ поцѣловались въ послѣдній разъ и разошлись.

И осталась старая Джиневра одна.

Долго путешествовали Анна Гольбейнъ и Оливеръ. Они переходили изъ селенія въ селеніе, изъ города въ городъ, всюду спрашивали о Клодѣ, Павлѣ и Хильмѣ,

но никто не могъ указать имъ ничего и иной разъ, полные грусти, они даже и не знали, куда имъ направить еще свои стопы.

А время все шло и шло и наконецъ прошли долгіе три года, которые показались имъ цѣлыми вѣками. Подъ дождемъ, подъ снѣгомъ, въ жару и въ непогоду они все еще переходили съ мѣста на мѣсто, питаюсь подаянїемъ, но не теряя надежды.

Однажды они зашли въ какой-то большой городъ и, усталые и разморенные, явились на ночь въ какой-то ночлежный домъ отдохнуть. Аннѣ Гольбейнъ нездоровилось, бѣдный Оливеръ едва волочилъ ноги. Они заплатили свои гроши и вошли въ каморку, которую имъ отвели для ночлега. Анна тотчасъ-же легла на грязную солому, служившую матрацемъ, а Оливеръ прикорнулъ у нея въ ногахъ. И вдругъ изъ сосѣдней каморки черезъ перегородку до нихъ донесся слѣдующій разговоръ:

— Я не могу больше вести такую жизнь! говорилъ какой-то мальчикъ. — Мнѣ каждый день хочется кушать, но онъ намъ не даетъ и только больно насъ бьетъ! Я не могу выносить его побоевъ..

— Онъ заставляетъ насъ просить милостыню, отвѣтилъ другой мальчикъ, — и отбираетъ ее отъ насъ въ свою пользу. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ мы тогда встрѣтились съ нимъ и повѣрили ему!

— Да, продолжалъ первый, — онъ сказалъ намъ, что позаботится о насъ, а самъ сталъ извлекать изъ насъ пользу. Онъ подобралъ насъ тогда на улицѣ, когда, помнишь, мы спаслись послѣ кораблекрушенія и хотѣли ѣсть! А вмѣсто

того мы вотъ уже третій годъ просимъ для него милостыню и поемъ и пляшемъ передъ публикой.. Какой онъ злой!

Анна насторожилась. Мальчики говорили о своемъ спасеніи послѣ кораблекрушенія. Сердце у нея забилось.

— Знаешь, что? вдругъ сказалъ первый.— Давай сейчасъ бѣжимъ!

— А какъ-же онъ? отвѣтилъ второй.— Вѣдь если онъ поймаетъ насъ, то убьетъ!

— Ничего, мы успѣемъ!.. Онъ сейчасъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ и насъ не замѣтитъ! Бѣжимъ сейчасъ! Насъ не замѣтитъ никто!

— А гдѣ-же мы будемъ ночевать! Вѣдь скоро ночь!

— Ничего, мы гдѣ-нибудь заночуемъ въ полѣ! Бѣжимъ-же скорѣе!

Анна слышала, какъ они заторопились за стѣной, а затѣмъ тихонько скрипнула дверь и мальчики изъ сосѣдней каморки ушли. Сердце у нея затрепетало. Что, если это ея Павелъ и Клодь? И она вскочила съ соломы и хотѣла было побѣжать за ними, чтобы узнать ихъ и вернуть, но ноги положительно отказались ее нести.

— Оливеръ, Оливеръ! стала она расталкивать своего спутника.— Да проснись-же скорѣе и бѣги за ними въ догонку! Они только сейчасъ были здѣсь и ушли! Скорѣе, скорѣе!

Оливеръ проснулся, протеръ глаза и совершенно ничего не понималъ, куда посылала его Анна. Ей стоило большихъ трудовъ объяснить ему, въ чемъ дѣло, и когда онъ сообразилъ наконецъ и выбѣжалъ на улицу, то бѣглецы были уже далеко. На улицѣ было пу-

стынно и темно, по ней разгуливалъ вѣтеръ и гналъ передъ собою пыль. Оливеръ усталъ, ему хотѣлось въ одно и то-же время и спать, и ѣсть и уже давно надоѣла эта бродячая жизнь, которой не было конца, и страстно, безумно его вдругъ потянуло назадъ, въ уютную хижину тетюшки-Джиневры, гдѣ было такъ тепло и гдѣ его такъ любили. Но онъ пересилилъ въ себѣ желаніе покоя и побѣжалъ вдоль улицы, самъ не зная куда и за кѣмъ, и когда вернулся черезъ минутъ двадцать обратно въ каморку, то по его взгляду Анна Гольбейнъ догадалась, что онъ не догналъ никого.

— Ты не видѣлъ ихъ? спросила она его.— Тебѣ не удалось ихъ догнать?

— Нѣтъ, не видѣлъ... виновато отвѣтилъ онъ.— Не удалось...

Она заплакала, а онъ легъ опять въ уголокъ, свернулся калачикомъ и еще долго не могъ уснуть: ему было обидно, что онъ не исполнилъ порученія Анны, и мучительно, до боли подъ ложечкой, хотѣлось ѣсть.

А мальчики между тѣмъ бѣжали и бѣжали. Скоро городъ остался за ними позади и погасли послѣдніе его огни. Ночь приняла ихъ въ свои объятія. Страхъ погони и надежда на избавленіе отъ чело-вѣка, который все время держалъ ихъ въ своихъ рукахъ и обиралъ, придавали имъ силы, и они не чувствовали подъ собою ногъ. Справа ихъ шумѣло море, такъ какъ дорога шла почти по самому берегу, а слѣва — тянулись поля, прерываемыя иногда невысокими горными кряжами и темными лѣсами.

— Тебѣ не страшно, Клодъ? спрашивалъ одинъ изъ нихъ другого.

— Нѣтъ, Павликъ, не страшно, отвѣчалъ младшій.—Только-бы поскорѣе уйти отъ этого человѣка!.. Я не могу просить милостыню и цѣлые дни плясать передъ публикой...

Проснулись они тогда, когда солнце было уже высоко. Сбоку ихъ разстилалось безбрежное голубое море и вчерашній вѣтеръ уже стихъ. Они вылѣзли изъ-подъ стога и радостно оглядѣлись по сторонамъ. Имъ не вѣрилось, что они были одни и не принадлежали

Съ каждымъ взмахомъ весель моряки все ближе и ближе подплывали къ ней...

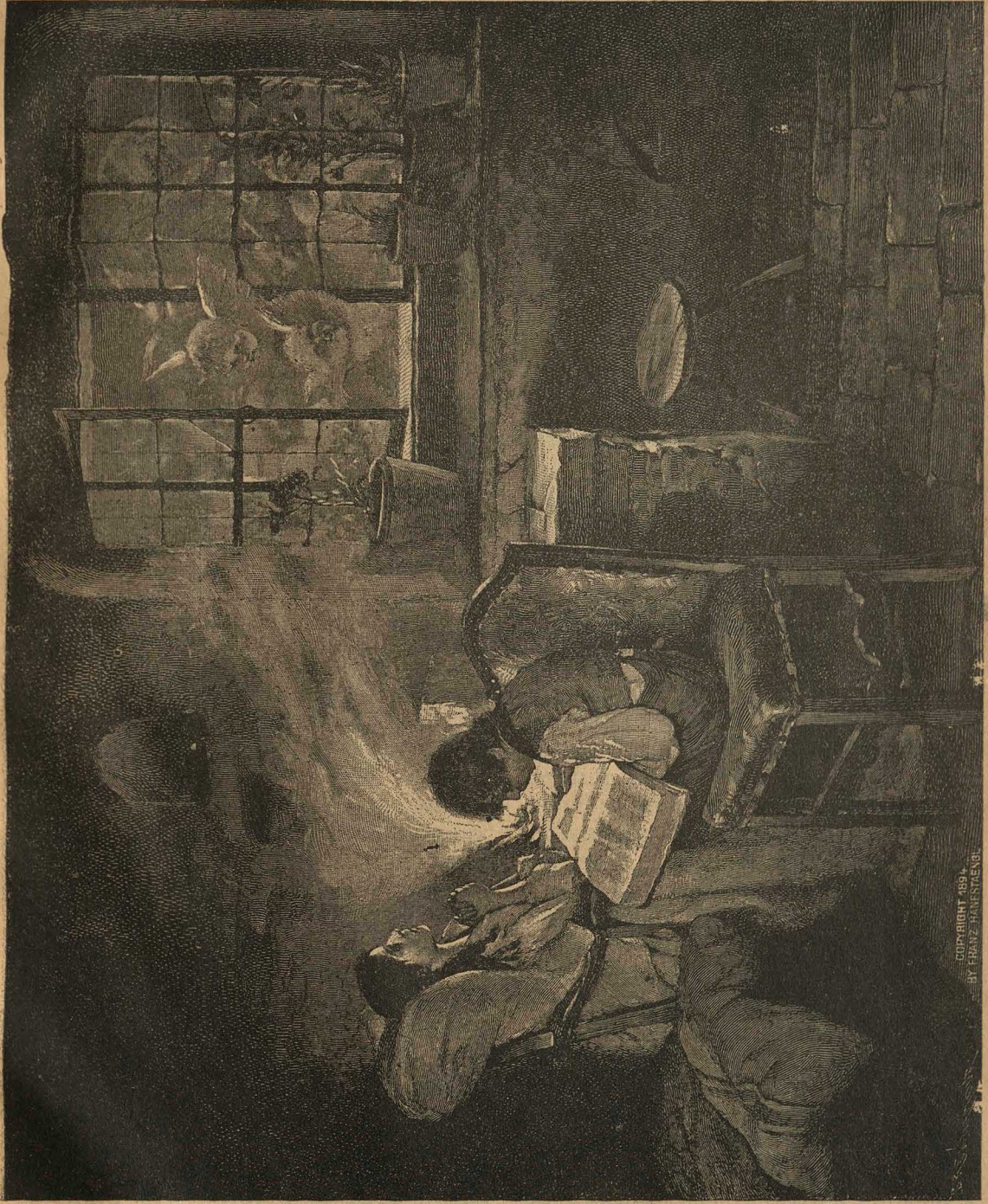
Они шли почти всю ночь и только къ утру, едва владѣя собой, дотащились до попавшагося по пути стога сѣна, закопались въ него и крѣпко заснули. Теперь ихъ ужъ не догонитъ никто! Счастье свободы улыбнулось имъ и они спали и видѣли счастливые сны. Всѣ члены у нихъ болѣли, но во снѣ они не чувствовали этого и спали, спали безъ конца.

уже никому. Они сбѣжали къ морю, умылись изъ него и имъ стало такъ весело, какъ не было еще никогда.

— Куда-же мы теперь пойдѣмъ, Павликъ? обратился къ брату Клодъ.

Павель оглядѣлся по сторонамъ. Вдалекѣ, на откосѣ, видѣлась рыбачья деревушка.

— А пойдѣмъ туда! указаль онъ

COPYRIGHT 1894.
BY FRANZ HANSEN.

...Они были прозрачны и нѣжны и Анна слышала легкій трепетъ ихъ крыльевъ (стр. 755).

на нее.—Тамъ мы попросимъ себѣ поѣсть.

И они взялись за руки и весело побѣжали къ деревушкѣ.

Въ эти три года они почти не выросли совсѣмъ. Они были почти такіе-же, какъ и три года тому назадъ, и это могло служить доказательствомъ того, какъ плохо они все это время питались и какъ мало имѣли покоя. Они попали въ руки къ негодяю, который воспользовался ихъ одиночествомъ и малолѣтствомъ и сталъ извлекать изъ этого себѣ пользу. Онъ переводилъ ихъ изъ города въ городъ, заставлялъ ихъ плясать передъ праздною публикой и пѣть и просить милостыню и весь ихъ заработокъ отбиралъ себѣ. Когда-же они мало собирали или уставали настолько, что уже были не въ состояніи больше танцевать, то онъ ихъ билъ и обращался съ ними, какъ съ звѣрями. Жалкіе, оборванные, блѣдные, все еще маленькіе отъ постоянного переутомленія и недоѣданія, они рѣшились наконецъ бѣжать, и теперь, довольные, какъ никогда, и веселые, какъ вырвавшіяся на свободу птички, они не знали, какъ радоваться солнцу, морю и воздуху, и со всѣхъ ногъ бѣжали къ рыбацкѣй деревушкѣ.

А въ это время мистрисъ Форти сидѣла съ Хильмой у стола и готовила вмѣстѣ съ нею завтракъ. Хильма уже выросла большая, похорошѣла и изъ нея вышла уже хорошая хозяйка. Она выучилась говорить по-англійски, нѣжно привязалась къ мистрисъ Форти и искренно считала себя круглой сиротой. Мистрисъ Форти тоже привязалась къ ней, какъ къ родной,

и обѣ онѣ уже три года жили душа въ душу. Ихъ рѣдко уже навѣщала Фреда, такъ какъ у ея старшей сестры Гретти родились за это время еще два младенца и она должна была исполнять у нея свои обязанности няньки. Тѣмъ не менѣе она была дружна съ Хильмой и относилась къ ней, какъ къ родной сестрѣ. Хильма такъ уже привыкла къ жизни у мистрисъ Форти, что—уже считала себя у нея, какъ дома, и только нѣжный образъ матери часто являлся къ ней во снѣ, она радостно пробуждалась и протягивала къ нему руки, но онъ неизменно всякій разъ исчезалъ, какъ только она открывала глаза. Братъевъ-же своихъ Клода и Павлика она позабыла. Она помнила, что они были у нея когда-то, но утонули въ морѣ,—но вообразить себѣ ихъ она не могла, такъ какъ эти три года сдѣлали свое дѣло и изгладили изъ ея воспоминаній ихъ внѣшность и тонъ ихъ голосовъ. И вотъ теперь она сидѣла съ мистрисъ Форти и помогала ей готовить завтракъ, какъ вдругъ дверь въ ихъ избушку отворилась и въ ней показались какіе-то два оборванные, блѣдные мальчика.

— Вамъ чего? спросила ихъ мистрисъ Форти.

— Будьте такъ добры, мистрисъ, обратился къ ней Павликъ,—дайте намъ попить и если можно, то и корочку хлѣба... Мы такъ давно не ѣли!..

Мистрисъ Форти поглядѣла на мальчиковъ. Ихъ ясные правдивые глаза понравились ей и она тотчасъ-же исполнила ихъ просьбу и дала имъ по ломтю хлѣба. Они съ жадностью приняли его ѣсть.

Черезъ одну минуту отъ хлѣба не осталось ничего.

— Да вы кто такіе? обратилась она къ нимъ. — Куда вы идете? Какъ вы сюда попали?

— Мы бѣжали отъ злого чело-
вѣка, который заставлялъ насъ
просить милостыню и плясать пе-
редъ публикой, довѣрчиво отвѣ-
тилъ Павликъ. — Люди бросали
намъ деньги, но онъ отбиралъ ихъ
себѣ... Кромѣ того, онъ не давалъ
намъ ѣсть и часто насъ билъ...

Хильма прильнула къ мистрисъ
Форти и вся обратилась въ слухъ.
По мѣрѣ того, какъ мальчикъ раз-
сказывалъ о томъ, какъ онъ ког-
да-то плыль съ матерью, съ се-
строю и съ братомъ на кораблѣ
„Святая Риза Богоматери“, какъ
случилась буря и корабль потер-
пѣлъ крушеніе и какъ онъ нако-
нецъ спасся и нашелъ затѣмъ сво-
его братишку лежавшимъ безъ со-
знанія на пескѣ, воспоминанія о
прошедшемъ все больше и больше

Въ ея воображеніи всякій разъ неизмѣнно выростала картина крушенія того корабля,
на которомъ погибли когда-то ея мужъ и сыновья (стр. 753).

Жалость шевельнулась въ серд-
цѣ мистрисъ Форти.

— Подите сюда, сказала она. —
Сядьте здѣсь и отдохните. Вотъ
вамъ еще по куску хлѣба! Разска-
жите мнѣ, кто были ваши отецъ и
мать и какъ вы попали къ этому
злому челоуѣку.

Павликъ и Клодъ робко вошли
въ комнатку и взяли отъ нея
хлѣбъ. Затѣмъ Павликъ сѣлъ на
табуретку, а Клодъ прямо на полъ,
и Павликъ началъ свой разсказъ.

приходили ей на умъ и она стала
узнавать въ этихъ мальчикахъ
своихъ пропавшихъ когда-то бра-
тьевъ...

— Значить, ваша мать и сестра
утонули въ морѣ? перебила Па-
влика мистрисъ Форти.

— Да, отвѣтилъ онъ. — Спаслись
только я и вотъ этотъ мой бра-
тишка Клодъ.

— А какъ звали вашу покойную
мать?

— Ее звали Анна Гольбейнъ,

мистрисъ... А мою сестру звали Хильмой... Вѣроятно, утонула и она...

Но въ эту минуту Хильма не могла уже больше сдерживать себя, взвизгнула и залилась громкими, радостными слезами.

— Павликъ! Клодъ! закричала она. — Вѣдь это я — ваша сестра Хильма! Неужели-же это вы?

Павликъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и ушамъ. Дремавшій въ это время на полу подъ рассказъ брата маленькій Клодъ тоже вскочилъ на ноги и отъ удивленія сталъ протирать себѣ глаза.

— Хильма, Хильма!.. лепеталъ онъ. — Это ты? А гдѣ-же наша мама?

Братья бросились къ сестрѣ, сестра кинулась къ братьямъ. Мистрисъ Форти, огорошенная неожиданностью, не знала, что дѣлать. Дѣти затрещали сразу въ три голоса, такъ что со стороны ничего нельзя было понять, но они отлично понимали другъ друга и кончилось тѣмъ, что мистрисъ Форти не выдержала и стала плакать.

— Ахъ, вы мои голубчики, залепетала она. — Милые вы мои! И случится-же такое счастье на свѣтѣ! Да какіе-же вы грязные, какіе оборванные!.. Страдальцы вы мои ненаглядные!..

Прибѣжали Фреда и Гретти, сбѣжался народъ. Начались ахи, охи, разспросы. Клодъ и Павликъ не успѣвали отвѣчать на вопросы и нашихъ бѣглецовъ не знали, гдѣ посадить и чѣмъ угостить. Хильма была наверху блаженства...

Но тутъ мы оставимъ на время гостепріимную хижину мистрисъ Форти и возвратимся обратно въ большой городъ, изъ котораго

только, что убѣжали Павликъ и Клодъ.

Когда Оливеръ вернулся ни съ чѣмъ, то Анна Гольбейнъ никакъ не могла успокоиться. Подслушанный изъ-за перегородки разговоръ не выходилъ у нея изъ головы. То, что говорили два мальчика и упоминали именно о кораблекрушеніи, разбередило всѣ ея сердечныя раны, и она уже не могла спокойно оставаться на мѣстѣ и засбиралась немедленно-же отправиться за ними въ погоню.

— Вставай, милый Оливеръ, пойдемъ! заторопила она мальчика.

Послушный, какъ и всегда, онъ поднялся съ соломы и съ полузакрытыми отъ сна глазами, какъ тѣнь, взялъ узелочекъ и направился къ выходу.

Они вышли на темную улицу и быстро, насколько имъ позволяла ихъ усталость, пошли вдоль ея направо. Улица по прежнему была пустынна. Они прошли нѣсколько сотъ шаговъ и вдругъ встрѣтили неожиданно какого-то мужчину.

— Вамъ не встрѣтились сейчасъ два мальчика? обратилась къ нему Анна.

— Да, да, встрѣтились!.. отвѣтилъ онъ. — Они куда-то спѣшили... Они пошли вонъ туда!

И онъ указалъ рукой направленіе. Анна Гольбейнъ обрадовалась и пошла далѣе. Оливеръ едва поспѣвалъ за нею. Но Павликъ и Клодъ шли гораздо быстрѣе ихъ и когда Анна и Оливеръ вышли уже за городъ и поплелись по береговой дорогѣ, то мальчики были уже далеко.

Всю ночь шла Анна Гольбейнъ, опираясь на плечо и безъ того уставшаго Оливера. А когда на-

Хильма прильнула къ мистрисъ Форти и вся обратилась въ слухъ.

ступилъ разсвѣтъ, то силы окончательно оставили ихъ обоихъ. Они были всѣ мокрые отъ росы, имъ было какъ-то не по себѣ и, дойдя до какого-то заброшеннаго одинокаго сарайчика, они оба повалились на оказавшіеся тамъ остатки прошлогодняго сѣна и впади въ забытѣе.

— Должно быть, ужъ намъ ихъ не найти, Оливеръ!.. жалобно проговорила Анна и закрыла глаза.

Она проснулась около полудня и подняла голову. Около нея сидѣлъ Оливеръ, обнявъ колѣни, худенькій, блѣдный, и какъ всегда молчаливый. Онъ смотрѣлъ въ одну точку и о чемъ-то думалъ. Она встала и потянулась болѣвшими отъ усталости членами. Затѣмъ они вышли изъ сарайчика и, какъ и Павликъ съ Клодомъ, умылись прямо изъ моря.

— Ну, что-же, Оливеръ, обратилась къ мальчику Анна, — пойдѣмъ!

— Куда? покорно спросилъ Оливеръ.

— Пойдемъ, куда глядятъ наши глаза. Теперь ужъ намъ ихъ не найти никогда!

И взявшись за руки, они направились къ виднѣвшемуся на косягорѣ селенію.

— Пойдемъ туда, продолжала Анна. — Авось тамъ сжалятся надъ нами и дадутъ намъ ѣсть.

Онъ ничего не отвѣтилъ ей и послушно пошелъ съ нею рядомъ.

Они вошли въ селеніе и направились прямо къ хижинѣ мистрисъ Форти...

Анна Гольбейнъ отворила въ нее дверь и остановилась на порогѣ.

— Подайте милостыньку Христа ради... жалобно сказала она.

Хильма, Павликъ и Клодъ бросились къ хлѣбу, отрѣзали каждый по ломтю и протянули его къ пришельцамъ...

Но тутъ случилось нѣчто невообразимое, что не въ силахъ описать мое бѣдное перо. Хильма, Павликъ и Клодъ узнали свою мать, она узнала ихъ, все въ одинъ мигъ перепуталось, перемѣшалось, слезы и рыданія смѣшались съ радостнымъ смѣхомъ и было похоже на то, что на землю вдругъ снова спустился съ неба рай и что солнце стало свѣтить ярче и иначе и что все приобрѣло вдругъ новый смыслъ и значеніе.

— Мама, мамочка, мама! слышались крики дѣтей.

— Дѣти! Клодъ, Павликъ! Хильма! отвѣчала имъ мать. — Да васъ ли я вижу! Неужели я васъ всѣхъ нашла!..

А тутъ-же стояли мистрисъ-Форти, утиравшая себѣ слезы, и маленькій Оливеръ. Онъ тоже радовался и все лицо его такъ и сіяло.

— А это что за мальчикъ? вдругъ обратились къ матери дѣти, когда улеглись уже первыя волненія отъ встрѣчи.

Анна Гольбейнъ взяла Оливера за руку и вывела его на средину комнаты.

— Это вашъ братъ... сказала она! — Любите его и уважайте! Все время онъ самоотверженно охранялъ меня и былъ мнѣ, какъ родной!

Дѣти окружили его со всѣхъ сторонъ и тотчасъ-же засыпали его вопросами. Мистрисъ Форти подошла къ Аннѣ Гольбейнъ и обняла ее за шею.

— Неужели вы возьмете отъ меня Хильму? грустно спросила она ее. — А если уже нельзя вамъ

оставить ее у меня, то возьмите и меня вмѣстѣ съ нею!..

Анна въ свою очередь бросилась къ ней на шею и обѣ женщины долго плакали счастливыми, сладкими слезами.

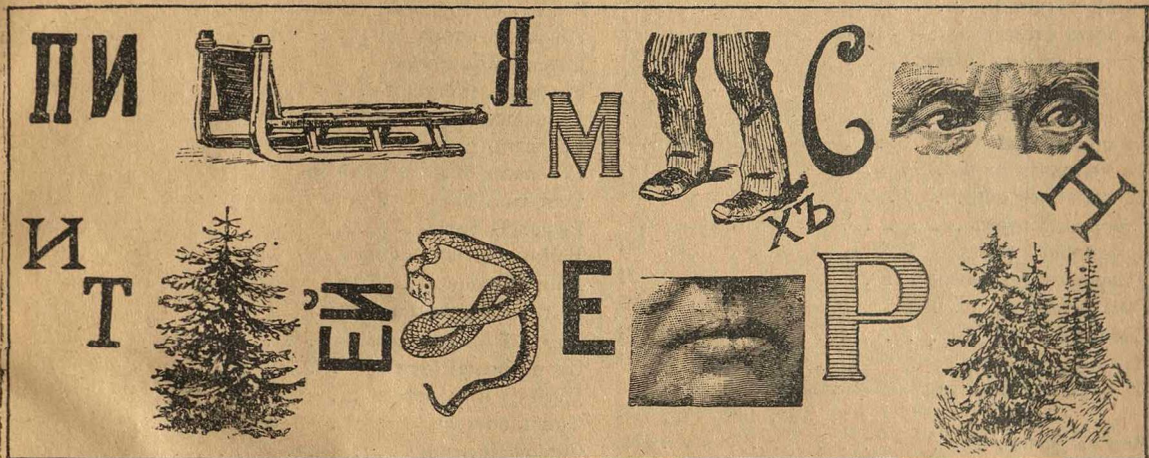
О, эти слезы радости! Могутъ ли быть что-нибудь прекраснѣе и слаще васъ? Васъ можно только

чувствовать и понимать душою, но ни одинъ писатель въ мірѣ не сможетъ описать васъ такъ, какъ вы того заслуживаете и какъ онъ этого хотѣлъ-бы самъ. Ему остается только сложить въ безсиліи руки, отложить въ сторону свое перо и скромно поставить вѣчное и всегда неизбѣжное слово „конецъ“.

М. Сабанинь.

К О Н Е Ц Ъ .

Ребусъ № 25

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ, будутъ напечатаны).

38
при-
ло-
женій.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

на 1916—17 годъ

УЖЕ ОТКРЫТА.

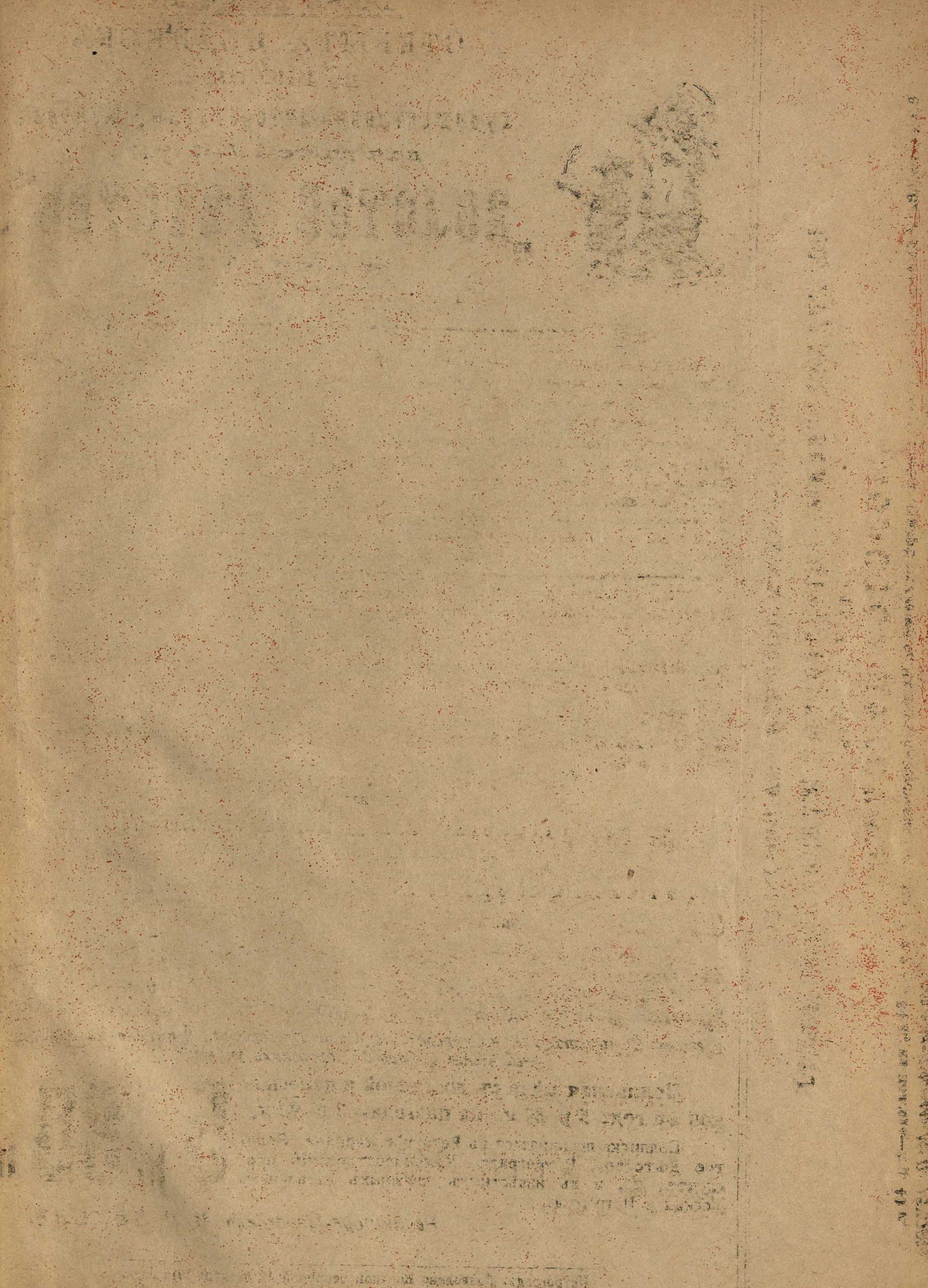
Подробности—на послѣдней страницѣ обложки.

Адресъ Редакціи: Петроградъ, Каменноостровскій просп., 26.

НА ГОДЪ
5 р. 80 к.
съ доставкой
и пересылкой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.		стр.
Бабочки (сказка)	152	На необитаемом островѣ	490
Безъ матери (повѣсть)	46, 88	На одинокой скалѣ	624
Весенніе друзья	386	На пароходѣ	514
Весна идетъ (стих.)	219	На страстной недѣлѣ (стих.)	322
Весна, весна! (стих.)	258	Неожиданная встрѣча	2
Въ большомъ городѣ	439	Осенняя пора (стих.)	2
Въ городѣ (стих.)	281, 640	Осенью (стих.)	672
Въ горахъ (разсказъ)	354	Пастушокъ	406
Въ дождливый день (стих.)	235	Первый снѣгъ (стих.)	13, 75
Въ жаркій полдень (стих.)	522	По пути въ городъ (стих.)	691
Въ маѣ (стих.)	385	Прошло лѣто (стих.)	649
Въ метель (разсказъ)	23	Принцесса Крошка (сказка)	310
Въ неволѣ (стих.)	151	Пѣсня о трудѣ	363
Въ лѣсу (стих.)	491	Разными дорогами (повѣсть)	746
Въ пути (стих.)	354	Разсказъ слона	34
Вотъ и августъ! (стих.)	595	Разсказъ жирафа	66
Въ собачьей конурѣ	108	Разсказъ попугая	98
Въ службу (стих.)	625	Разсказъ маргитки	130
Въ подземельѣ	625	Разсказъ кенгуру	162
Въ холодную ночь	672	Разсказъ бѣлаго медвѣдя	225
Вѣрный Рангани	704	Разсказъ льва	290
Говорящій осель	220	Разсказъ тигра	450
Дождались! (стих.)	98	Ранняя весна (стих.)	225
Далекое путешествіе	682	Ранней весной	298
Елка (стих.)	107	Родная картинка (стих.)	482
Елочный Дѣдъ	118	Случай съ лягушкой	413
Записки Принца	546	Скоро зима! (стих.)	746
За таинственной дверью (повѣсть) 585, 612, 640, 691, 712, 736		Случай въ морѣ	173
Изъ за розы	194	Снѣгъ сошелъ (стих.)	194
Какъ жалъ! (стих.)	608	Совѣтъ (стих.)	205
Лабиринтъ	59	Сосѣди	258
Летти	322	Счастливая пора	244
Лишній	76	Скворцы прилетѣли! (стих.)	310
Лѣтнее утро (стих.)	556	Сорныя травы	364
Лѣтній вечеръ (стих.)	514	Сознаютъ-ли животныя добро и зло?	418
Лѣтомъ (стих.)	576	Старый кузнецъ (сказка)	474
Мама	704	Сова и аистъ (сказка)	556
Май (стих.)	450	Старинные часы (сказка)	576
Маленькій герой	608	Три принцессы и больной король (сказка)	282
Маленькая Лиза (повѣсть) 140, 186, 205, 244, 269, 299, 338, 371, 391		Туманъ (сказка)	660
Малиновка	347	Тихій вечеръ (стих.)	428
Мечты (стих.)	34, 130	Ужъ рамы вѣставили (стих.)	46
На берегу	14	Утро (стих.)	162
На лодкѣ (стих.)	462	Хмурая ночь (стих.)	736
На ловѣ природы (повѣсть) 428, 462, 503, 522, 564		Христосъ воскресъ! (стих.)	335
		Царица пчелъ (сказка)	596
		Черезъ окно	482

Годъ десятый
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1917 годъ.

художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаниемъ. Давая подписчикамъ въ 1916—1917 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развитіе въ наукъ и искусство ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ „Золотомъ Дѣтствѣ“ найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады, и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

24 НОМЕРА журнала „Золотое Дѣтство“, въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ для СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч.).

Особыя приложенія для годовыхъ подписчиковъ:

1. Книга съ иллюстраціями:

„СО ДНА ПРОПАСТИ“ или „СОБАКА-СПАСИТЕЛЬНИЦА“.

Книга эта будетъ прочитана не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

2. КУЛЬТУРНЫЙ ТЕАТРЪ: Кулисы, занавѣсъ, декораций, дѣйствующихъ лицъ и т. п. Большое приложеніе, исполненное въ краскахъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ „Золотомъ Дѣтствѣ“, являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, пріучающимъ ихъ ориентироваться въ цѣлостъ смекляки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ высылкѣ въ учебныя библиотекы городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р. 80 к., на полгода—2 р. 90 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, Петроградъ, Каменноостровский пр., 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Квѣ и Петрограда.

5 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ.
на художественно-литературный журналъ для дѣтей

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

(отъ 7—12 лѣтъ).

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. При каждомъ номерѣ приложенія. На годъ съ доставкой и пересылкой 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 90 к.

Адресъ редакціи: Петроградъ, Каменноостровский пр., 26.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

